

елена
КОЛИНА

Елена Колина
Про что кино
Серия «Семейная сага», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6149551
Про что кино?: [роман] / Елена Колина: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-077705-1

Аннотация

Часто ли встретишь родителей, убежденных, что их ребенок недостоин любви? Но если эпоха ломается, может ли все в вашей семье остаться прежним? Конечно же, нет! Элита прежнего мира – достаток, карьера, муж-профессор, – окажется вровень с подругой, у которой долги, коммуналка, муж-неудачник. А потом все решат их дети: неудачники, бизнесмены или миллионеры... Но главное обязательно останется неизменным...

Романы Елены Колиной «Предпоследняя правда», «Через не хочу» и «Про что кино?» образуют захватывающий триптих о том, что происходит с людьми, с семьями, со страной – когда они перерастают самих себя.

Содержание

Ночь любви	11
Альтернативный фактор	36
Дневник Тани	51
Май. Роковой изъян	56
Записки Кутельмана	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Елена Колина

Про что кино

© Е. Колина

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Бороться и искать, найти и не сдаваться» призывал герой одной из самых любимых Таниных книг, и Таня все искала и искала московского мальчика, поразившего ее своими стихами, и как раз когда уже совершенно отчаялась и была готова сдаться, больше на рок-концерты не ходить, – наконец нашла своего Поэта. И, словно для симметрии истории, на этот раз с ней опять была Алена.

– ...Танька, ты у нас любительница рока... Хочешь пойти на квартирник? – спросил Виталик. – Компания питерско-московская, ребята ездят туда-сюда, питерские на выходные в Москву, московские на выходные в Питер – попить вина, музыку послушать... Кто будет играть? Не имею пред-

ставления, ты же знаешь, рок – это не мое кино. Да и компания не моя, у меня там просто человечек знакомый...

– У тебя везде человечки, на любой вкус, – сердито-любовно, как старая тетушка, проворчала Ариша.

– Не хочу, нет, – сказала Таня, – у меня рок уже из ушей лезет...

– Квартирник – это концерт в квартире? Я никогда не была. Мы пойдем. Развлечемся, отвлечемся, с кем-нибудь познакомимся... – решила Алена.

Девочки никогда прежде не бывали в глубине Лиговки; оказалось, что за фасадами домов целый мир, из одного двора они переходили в другой, третий, попали на Обводный, вернулись через проходной двор, который вместо того чтобы вывести обратно на Лиговский, привел их на пустырь, – блуждали около часа, сверяясь с адресом, нацарапанным Виталиком на салфетке, и уперлись в нужный дом, когда обе уже не хотели никакого концерта, хотели лишь выбраться из этих бесконечных проходных дворов.

– Это не бесплатно... по рублю с носа, – сказал девочкам организатор концерта, разгоняя рукой сладковатый дым. – Пardon, мы тут немного покурили...

Таня не поняла и кивнула, Алена поняла и кивнула – марихуану курили, и обе протянули по рублю. Огляделись, удивились – как в десятиметровой комнате уместилось столько народу, сидели на подоконнике, за крошечным столом друг

у друга на коленях, на полу, – всего человек двадцать или сто...

Квартира на Лиговке была странная, не более странная, чем другие питерские квартиры, с лестничной площадки попадали сразу в комнату, а из комнаты дверь вела в длинный извилистый коридор – налево-направо-налево-налево и в крошечную кухню. Народ по квартире распределялся, словно следуя правилу «не расходиться», все были вместе, вместе в комнате или вместе на кухне, или перетекали из кухни в комнату по темному коридору, как муравьи по лесной тропинке.

Он пришел незаметно, как будто в окно влетел, – только что все было без него, и вот он уже поет, кричит-хрипит.

– Нужна девочка, чтобы сидела рядом, – сказал кто-то, и Алену вытолкнули вперед, как говорят дети, «за красоту»; она потянула за собой Таню, так и сели, по одну сторону от него Алена, по другую Таня.

– Под Высоцкого, – перегнувшись к Тане, за его спиной прошептала Алена, и Таня непонимающе на нее посмотрела.

Она ходила-искала его месяцами, и вот так, просто – сидит с ним рядом? Таня как будто сама себе снилась и, что в этом сне происходит, не вполне понимала... Под Высоцкого? Она выросла на Галиче и Высоцком, у дяди Илюши были все записи, она их наизусть знает. Вовсе не под Высоцкого, он – сам.

В перерыве, когда все перетекли на кухню и там пили вино, курили, Таня с Аленой поссорились.

– Мне надоело... какой-то истерический надрыв, бе-е... – сказала Алена. – Разве это музыка?..

Таня все же окончила музыкальную школу и понимала – и правда, играть он не умеет: примитивные аккорды, играет без медиатора, ломает пальцы, рвет струны...

– Все эти рокеры какие-то... грязные... а твой гений некрасивый...

– Ты, ты!.. – шепотом вскрикнула Таня, наступая на Алену. – Как ты можешь?! При чем здесь его внешность? Это же стихи! Настоящие! В его текстах такая энергия! Он гений, ранимый, нежный, у него душа болит за весь мир, ему так больно за несовершенство мира, что у него сердце разрывается... Он поет о любви, не произнося слово «любовь»!.. А ты, ты... как ты не понимаешь? Может, у тебя вообще нет души?!

Она впервые в жизни повысила голос, и это оказалось совсем не страшно – как будто стала ведьмой, села на метлу и понеслась. Алена попятилась и, поскользнувшись, упала на кучу из чужих курток, сваленных у двери, а Таня стояла над ней и страшным шепотом повторяла:

– Ты, я... если ты не понимаешь, ты мне больше не друг!..

– Ах, вот ты как? Это я тебе больше не друг, – сидя на полу, угрожающе зашипела Алена. – Давай иди к нему!..

Девочки разошлись, надувшаяся Алена отправилась в

угол комнаты, подальше от него, а Таня – к нему, торопясь занять свое место рядом с ним.

Он спел несколько песен, отложил гитару, сказал «сейчас приду, только воды попью», Таня привстала – «хочешь чаю, я сделаю!», он отрицательно мотнул головой, двинулся на кухню, и она за ним. Все засмеялись – может, человек в туалет пошел, а она пристаёт со своим чаем, и Алена презрительно скривилась, но Таня, обычно такая чувствительная к тому, что о ней подумают, не поняла, что выглядит навязчивой, такой же, как девочки-поклонницы, не сводящие глаз со своих кумиров. Ничего она не понимала, у нее даже, кажется, температура поднялась.

На кухне они были одни. Потом Таня не могла вспомнить, как крепко он ее обнимал, она хорошо, до деталей помнила кухню, с укромными уголками, с огромной, как комната, кладовкой, где он сидел на полке и ел варенье, и они вместе ели варенье...

– У меня твои стихи, тетрадка, зеленая, за две копейки... – заторопилась Таня.

– Выброси, я еще напишу, – отмахнулся он.

– Как выброси?! Ты что?! Это же стихи...

– Зачем они мне, печатать их, что ли?.. Тебе правда понравилось?

– Да, да, это гениальные стихи...

Он обнял ее, прижал к себе. На полке лежала чья-то черная фетровая шляпа с большими полями – такие шляпы на-

девают на маскарад, он нахлобучил шляпу на Таню, сказал «красивая», – Таня или шляпа?.. Сколько времени они были одни – минуту, час, вечность? Заглянул ли кто-то на кухню и тактично ушел, или все терпеливо ждали, понимая, что происходит: она его нашла, их любовь как взмах, как взлет...

– Я в следующий раз приеду в мае. Приходи, ты хорошо сидишь рядом. – Он отстранился, улыбнулся. – Придешь?

Конечно, она придет, она пойдет за ним куда угодно, как ребенок за крысоловом с дудочкой...

– Ты почему такой грустный?.. – несмело спросила Таня.

– Никто не грустный. Все ништяк. Иди, я сейчас...

Таня вернулась в комнату, села на свое место, теперь уже по праву ее место было рядом с ним. Она все еще оставалась в черной шляпе, и когда он обнимал ее на кухне, была в шляпе. Алена прошептала ей на ухо вредным ревнивым голосом: «Ты теперь ее вообще не снимай, спи в ней!»

Все ждали, когда он вернется, – ждали-ждали, а потом кто-то отправился на кухню, в коридоре подергал ручку туалета и крикнул: «А где же он? Ушел, что ли?!» И все потекли на кухню, переговариваясь: «Ушел?.. Без предупреждения?.. Некрасиво. Люди, между прочим, деньги заплатили...» И – кто первый понял и как понял? Вдруг раздался крик: «Люди!.. Люди, он вышел! Вышел!.. В окно!»

Первой среди застывших в ошеломлении, потрясенных, опомнилась Алена – именно она вызвала «скорую». Спра-

шивала у всех номер дома, но никто не помнил, а хозяин квартиры куда-то исчез, и Алена, выглянув в окно, крикнула стоящим на улице прохожим – над ним стоящим, – «номер дома, быстро»! А повесив трубку, вытащила из кучи сваленной на полу одежды свою и Танину куртку, схватила Таню и вытолкнула из квартиры.

– Но он же сказал «все ништяк», – прошептала Таня.

Алена не расслышала, но она и не собиралась Таню *слушать*. Перед тем как выйти из подъезда на улицу, повернула ее лицом к себе, прижала, придерживая эту ее дурацкую шляпу, и так и вывела на улицу спиной, для верности закрыв ей рукой глаза – не смотри!

– Нет-нет-нет, – приговаривала она и волокла Таню, как куль, мимо стоящих вокруг него людей, прочь от красных брызг на асфальте, волокла и приговаривала: – Нет-нет-нет...

– Что нет?! – вдруг закричала Таня.

Алена молча потащила Таню дальше. Что ответить на вопрос «что нет?»? Левина бабушка, Мария Моисеевна, часто произносила на первый взгляд странную фразу: «Что нет, когда да...» На первый взгляд странную. И правда – что нет, когда да.

Ночь любви

«Маленькая, моя маленькая», – подумал Кутельман, глядя на отнюдь не маленькую, особенно по сравнению с ним, Фиру. Даже сейчас, когда Фира некрасиво сгорбилась рядом с ним, она была его выше, больше. Они вдвоем уже несколько часов сидели на Левиной кровати – в комнате Резников спал Илья, в коммунальной кухне среди чужого неряшливого быта не посидишь, и они ждали Леву в его комнатке, почти не разговаривали, она начинала говорить горячо, спутанно, задумывалась, замолкала. Они сидели молча, и он держал ее за руку. За окном была сиреневая ночь, никакой лирики, никаких чудес, все просто: в окне напротив всю ночь горела лампа под сиреневым абажуром. Бедная Фира, день ее огромной победы стал днем окончательного поражения, такого обидного и нелепого, что и предположить было нельзя... Любой может поскользнуться, карабкаясь на вершину горы, но поскользнуться на ровном месте и полететь кубарем вниз невозможно обидно – это же *ровное* место!..

– Господи, что я сделала, что?.. – простонала Фира.

Она не ждала ответа, просто бормотала в пространство, но Кутельман ответил.

– Я много раз встречался с такой ситуацией: ученый разрабатывает теорию, а когда он ее предъявляет, другие ученые говорят: «Это не теория, это всего лишь ваша гипотеза,

и она не доказана...» Человек возмущается – как не доказана, вот доказательство, я доказал! А ему отвечают: «Мы не считаем это доказательством». Ты понимаешь?.. Доказанным считается то, что группа математиков признает доказательством... А если у другой группы математиков другие допущения, то они не признают его доказательство... Ты понимаешь?

Фи́ра не понимала, и Кутельман, как хороший лектор, принялся старательно объяснять логику своих рассуждений:

– Ты, конечно, помнишь, что теория относительности утверждает: не существует экспериментальных доказательств, которые отличают движущиеся системы координат от неподвижных...

– Эмка! Эмка, Эмка... – Фи́ра вскинула на него непонимающие большие глаза, – какие координаты, при чем здесь я?.. Эмка, не говори так со мной... Ты что, Эмка?!

На самом деле она была «при чем», он хотел сказать – даже в математике не существует доказанной истины, однозначной картины мира, безупречной теории. Происходящее здесь и сейчас не стоит такого отчаяния, просто потому, что Фи́ра считает собственную картину мира единственно верной, в ее картине мира все аргументы работают на нее, но ведь это *ее* аргументы, *ее* картина мира, а у других – другая, с не менее весомыми аргументами.

И в этом с ним согласилась бы любая группа математиков – свои, чужие, все!

– Эмка... – только и сказала Фира, и Кутельман нервно дернул плечом, застыдившись своей притворной рассудочности.

Все, свои и чужие, все согласились бы с ним, что это не стоит такого отчаяния, но он-то знал, что *стоит*...

Фирин день – пятница, у нее был первый урок, начался неожиданным вызовом в кабинет директора – в 9.30 утра директору позвонили официальным голосом: «Позовите к телефону Резник Фиру Зельмановну». Фира примчалась с урока без лица – что слевой, с Ильей, *что?* Фиру вызвали в ОВИР. И там, в кабинете, случилось невероятное.

Документы для поездки Левы на олимпиаду в Будапешт давно были собраны и сданы той самой, прошлогодней тетке-лейтенанту, на голубом глазу объявившей Фире, что документы ее сына потерялись. На этот раз тетка не требовала у Фиры справку, еще справку, и еще одну справку, не играла с ней в игру «поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что» и была с ней отстраненно любезна. Фира, в свою очередь, была с теткой любезна, понимала, что от нее ничего не зависит, решение принимается не на теткинском уровне, та понимала, что Фира понимает... В общем, отношения мамы Левы Резника с государством, представленным теткой-лейтенантом службы госбезопасности, сложились рабочие. И вот эта бесстрастная тетка-лейтенант, воплощение государства, непостижимый сфинкс без лица, без эмоций, без души, – голова на погонах, – встретила Фиру, улыбаясь совершенно по-

теткински, по-соседски – поздравляю, ваш сын едет, едет!

Левин паспорт в руки не дала, паспорт будет храниться у нее до самой поездки, но показала – вот он, паспорт вашего мальчика с визой! Сказала: «Я за вас рада, вы так переживаете, я понимаю, у меня ведь тоже ребенок...», еще минута, и, кажется, скажет: «А давайте чай пить...» Даже лейтенант КГБ понимает – может быть, она больше всех понимает, какая это огромная Фирина победа, Фира даже государство победила своим талантливым сыном – еврея допустили защищать честь страны. Фира вышла из ОВИРа пустая от счастья, звонкая, как хрустальный бокал, хотела бежать, кричать – бежать к Леве в школу, прокричать под окнами: «Левочка, ты едешь! Левочка, теперь я могу умереть спокойно. Левочка, прости, что я говорю глупости, прости, что я плачу, но ведь столько лет, столько лет твоего труда, наших надежд, и вот мы у цели, вот она перед нами, твоя прекрасная жизнь...»

Но бежать не было сил – впервые в жизни заболело сердце, и она медленно, как старуха, побрела к дому. Шла-шла, а перед глазами как кино: Лева – студент университета, Лева блестяще защищает диссертацию, Лева открывает международный симпозиум, Лева получает медаль Филдса... И вдруг решила: она никому об этом не расскажет, это слишком интимно, это будет ее секрет – она пойдет в церковь...

Фира остановилась и подумала – а где, собственно говоря, церковь? Казанский собор, Исаакиевский собор – это музеи.

Ни одной работающей церкви она не знала. Выйдя на Невский, села в троллейбус, пятерку, доехала до Исаакиевской площади, купила в будочке билет, вошла в Исаакиевский собор, растерянно остановилась у входа. Туристы, экскурсии, иностранная речь экскурсоводов – напрасно пришла сюда... Но вот же иконы, она сможет поблагодарить Бога за своего сына и попросить – что? Чтобы Бог его хранил.

В глубине собора Фира самой себя застыдила, смешалась, не знала, к какой иконе ей подойти, не знала, можно ли у иконы попросить Бога за Леву, можно ли пройти к алтарю... Постояла у входа, побродила по собору, полюбовалась витражами, посмотрела на иконы, но обратиться к Богу не смогла. Выходя из собора, быстро смущенно пробормотала: «Пусть у Левы все будет хорошо» – и кому-то мысленно сказала вежливое «спасибо», наверное, Богу.

Подумала – нужно к еврейскому Богу. И пешком – от Исаакиевской площади около получаса – пошла в сторону Лермонтовского проспекта, в синагогу. В синагоге у Фиры получилось еще хуже, чем в соборе, в синагогу она не решилась даже заглянуть, такое все было чужое, и само мрачное серое здание, и внутри совсем уж незнакомый Бог.

Незнакомого Бога Фира тоже попросила за Леву, стоя у входа синагоги, – пусть у него все будет хорошо... Подумала: «Нет, и здесь не мое, везде не мое... Вот, молюсь за Леву всем богам, кто поможет» – и рассмеялась, и сердце прошло, и веселье наполнило ее, как воздушный шарик. И уже по-

деловому быстро побежала на троллейбус до Невского, по дороге прикидывая, что она сможет купить в «Елисейском» и как это можно сочетать с тем, что у нее есть в холодильнике – курица, и как соорудить быстрый праздничный стол – мяса нет, оливье придется делать с колбасой, блинчики обязательно... пирожных в «Севере» купить, Лева любит «картошку»... Скорей, скорей, ведь праздник какой, праздник, сегодня праздник!

– ...Я не поеду на олимпиаду, – сказал Лева. Трусливо сказал, в коридоре, перед дверью в «комнату», – у него в руках блюдо с жареной курицей, у Фиры кастрюля с салатом «оливье».

В комнате Илья говорил по телефону, махнул рукой – тише, еще пару секунд послушал, сказал «спасибо», повесил трубку. Фира вопросительно взглянула – кто?

– Да так... первый секретарь Петроградского райкома, по государственному делу... – хлестаковским, небрежно-значительным тоном сказал Илья.

– Смирнов?... Что случилось? Что-то с девочками? Что он сказал?..

– Сказал: кхе-кхе... знаем, поздравляем. Вашему сыну выпала честь представлять Советский Союз на международной олимпиаде.

– А ты что?

– А я сказал: точно, выпала честь, как будто Левка играл в покер и поймал каре...

– С ума сошел?! Шутить с первым секретарем! – завоновалась Фира. – Нет, ну правда, Илюшка, это неуместно... А он что?

– А он мне: «Нет, право вашего сына – это результат его целеустремленности и воли к победе». Я ему говорю: «Му-жик, чувства юмора у тебя ни хрена нет».

Фира побледнела, и Илья улыбнулся:

– Спокойно, Фирка! Я сказал «спасибо».

– А он что?

– Да херню какую-то... Типа «ваш сын не подведет свою страну и свой город». Мы и без его партийного наказа знаем, что не подведет, правда, Левка?..

Фира счастливо вздохнула.

– Лева?.. Левочка, что ты сказал?.. Там, в коридоре? Куда ты не поедешь?..

– Я не поеду на олимпиаду. Я с математикой покончил. Это мое решение. Нет больше никакой математики, все.

...«Оливье», блинчики, Илья с праздничным лицом, жареная курица...

– Левочка, ты не заболел? Ты хорошо себя чувствуешь?.. Олимпиада, университет, твое будущее, – медленно повторяла Фира, словно втолковывала дебилу. – Олимпиада, университет, твое будущее... Левочка, ты понимаешь, что ты говоришь, – это же *математика*!.. Ты меня слышишь?!

Когда Фира наконец поняла, что он ее слышит и все аргументы исчерпаны, она закричала:

– Ты отказываешься ехать на олимпиаду?! Ты отказываешься делать, как я хочу?! Ты отказываешься от математики? Ты отказываешься от меня?!

– Разве ты и математика – одно и то же? При чем здесь ты? Это моя жизнь, а не твоя! А мне – понимаешь – мне больше не нужна математика! – кричал Лева.

– Ах, вот как?! Это твоя жизнь?! Твоя?! Ну, хорошо, сломай свою жизнь назло мне!..

Она выкрикивала горькие слова, такие обычные, которые до нее тысячи раз бросали родители своим взрослеющим детям в стенах Толстовского дома, с таким азартом и изумлением, будто эти слова впервые произносились на земле.

– Лева, я тебя умоляю, я на колени встану!.. Ле-ева!.. – крикнула Фира, как в лесу, отчаянно, как будто у нее в лесу потерялся ребенок.

Он пропадает, гибнет, а она не может заставить его делать то, что надо... заставить, заставить! Страшно, когда чужая посторонняя сила пытается разрушить жизнь твоего ребенка, и еще страшнее, когда эта сила он сам.

Лева ушел, и... и где он сейчас? Сейчас ночь, сиреневая ночь... Где он сейчас?

– А Илюшка спит, – сказала Фира.

– Ну, спит человек... Не злись, он ни в чем не виноват, – сказал Кутельман.

Фира больно сжала его руку. Илья не виноват?.. Она про-

сила, умоляла Илью «сделай хоть что-нибудь!», но он только повторял «что я могу сделать?..» – сначала расстроено, затем обиженно, затем зло... Она опять одна, одна борется за Леву. Илья не виноват, что она одна?!

– Лева сказал, что я все делаю для себя. Что мне не удалось заставить Илью стать ученым и я все свои амбиции вложила в него... Как будто я хочу сделать свою жизнь за его счет! Эмка, мне больно, мне так больно в груди... Скажи честно, я – для себя?.. Нет, не говори, я знаю – я для него, я все для него...

Фира плакала так тихо, так не похоже на себя – она ведь всегда смеялась громче всех, кричала в злости громче всех, была самой яркой, сильной, солнечной.

– Я сказала: «Это из-за Тани, это все твоя глупая любовь». А он сказал: «Можешь радоваться, моя глупая любовь закончилась, она меня не любит...» Разве я виновата, почему я виновата, во всем виновата...

– Любит, не любит... Они же дети, откуда им знать, что такое... любовь, – застенчиво сказал Кутельман.

Опять сидели молча, рука в руке, Фира неотрывно смотрела на дверь – как будто Лева вот-вот войдет. Кутельман молчал. Что сказать, как утешить? Ему, как и ей, бесконечно больно, бесконечно жаль всех этих лет, всех усилий, столько сил, столько надежд, и – отказ на старте. Он видел, что Фирины слевой отношения стали другими, что злое возбуждение, обидные слова между ней илевой летали все чаще,

по всякой ерунде, он думал – ерунда, столкновение ее деспотизма и его взросления, столкновение характеров, одинаково горячих. Он любил ее горячность, ее страсть к Леве, ее материнское тщеславие... Дети не знают, что такое любовь, и он не знает. Он никогда не помышлял о чем-то плотском, связанном с ней, любил ее душу, но сейчас, когда каждой ее клеточке было больно, он вдруг испытал такую жаркую жалость, такое яростное желание утишить ее боль, погладить ее, прижать к себе, что впервые за годы его любовь вдруг проявилась как откровенно плотская... Нельзя, чтобы она заметила его желание.

Как любой человек, до последней откровенности говорящий о самом больном, Фира рассказала не всю правду, сместила кое-какие акценты, а кое-что оставила для себя, – то, что она скрыла, было слишком больно, слишком интимно, как говорят дети – «это уж *слишком*». На самом деле Лева сказал: «Она меня не любит из-за тебя».

...С чего началось? Что было сначала, а что потом? Сначала ее сумасшествие, потом математика, или сначала математика, а потом Таня? Или все смешалось и не разделить?..

Зимние каникулы, математический лагерь – Фира тосковала без Левы, отвернувшись от мира, смотрела на обои с цветочками, как будто сквозь цветочки проступало прекрасное лицо ее малыша, а когда Лева материализовался из цветочков в другого, не желающего нежничать и откровенничать, *отдельного* человека, Фира подумала – «моя жизнь

закончилась». В определенной степени она была права, ее прежняя жизнь закончилась – они слевой были больше не одна душа.

Как Лева – *новый* Лева – себя вел? Прекрасно, замечательно! Больше никакой залихватской подростковой пляски по ее нервам – пришел-ушел-выпил-не-позвонил, никаких нервных вскриков «не вмешивайся, сам разберусь, это моя жизнь», никаких стандартных мальчишеских прегрешений, ничего, что можно было бы предъявить ему в качестве претензии. Ничего, что можно было бы обдумывать, содрогаясь в желании действовать, бежать, спасать, – жить им, только им, как жила всегда.

По общепринятым меркам Лева вел себя прекрасно. На что это было похоже? На самое страшное. На зубную боль, тупую, с внезапными резкими приступами, от которых на миг теряешь сознание. На то, что тебя разлюбили. Вот оно, наконец-то, – это было совершенно так же, будто разлюбил мужчина.

Что было? А что бывает, когда разлюбит мужчина? Вроде бы все то же, но – был ласков – стал сух, был открыт, хотел часами говорить о себе – стал неоткровенен. Левина прежняя мимолетная грубость, нервность означали, что ее, во всяком случае, замечают, не отвергают, мимолетная грубость сменялась мимолетной же нежностью. А новый Лева вежливо оберегал свою отдельность, как будто принял решение – с прежним покончено. Все прежнее, дорогое, и мгно-

венное понимание в глазах, и внезапная улыбка, и глупенькие нежности – чмок в нос, и словечки – все ушло.

«Что я сделала неправильно?» – спрашивала себя Фира. И действительно – что она сделала? Может быть, их отношения были *неправильные, слишком близкие*? И близость достигла пика, с которого только вниз, и Лева избегал ее, как избегают человека, с которым позволили себе излишнюю откровенность? Или все произошло, как только и может быть в любви, – отдаление неизбежно через месяц, через год? Но бедная Фира, каждый раз она изумленно думала «господи, как больно», но Бог придумывал для нее все новые муки, и всякий раз оказывалось – то была не боль, а вот сейчас уже невыносимо больно. Так крепко они слевой были друг к другу пришиты, что разрыв был труден, Лева отходил от нее, оставляя на ней раны, – про себя она так и называла это – «разрыв», как в любовных отношениях.

О самом своем душевном-интимном Фира привыкла говорить слевой, но их «разрыв» был именно то, что она не могла с ним обсудить, и, помучавшись в одиночестве, она поделилась «со всеми», намеренно легко, со смехом, как человек, который и насмешкам подвергнуться боится, и поддержки хочет, и надеется – а вдруг что-то умное скажут.

Таня и девочки Смирновы маленькими играли в смешную девчачью игру – передавали по кругу листочек, на котором, не видя, кто что написал прежде, отвечали на вопросы «кто?», «где?», «что делали?», «что сказали все?» и так да-

лее; получалась забавная ерунда, к примеру: «Ариша и Виталик на уроке математики кусались, увидела Фира Зельмановна и сказала “мяу!”»... Что же сказали все?

Илья сказал:

– Знаешь, чем отличается еврейская мама от арабского террориста? С ним можно договориться... А чем отличается еврейская мама от ротвейлера? Ротвейлер когда-нибудь может отпустить.

Кутельман сказал:

– Лева к любой ситуации относится как к задаче, он обозначил новые условия, это честно.

Фаина сказала:

– Фирка, ты дура! Ты хочешь, чтобы Лева до старости играл с мамочкой в палатку? И басом шептал свои секреты?.. Он взрослый, понимаешь? Пусть теперь Таня его слушает... Смешно, они в одной ванночке купались, а теперь – романы, гормоны, первая любовь...

Фира кивнула – я дура, Лева взрослый, гормоны, романы, первая любовь, пусть Таня... Таня, что Таня?... Таня?!

Как говорила Фирина мама, узнав о кознях своих соседок по коммуналке: «От-т тут-то мои глаза и открылись!»

Глаза открылись, вернее, открылись уши. Тем же вечером Лева разговаривал с Таней по телефону – номер телефона в квартире был один на всех, но аппараты стояли в комнатах почти у всех жильцов, и Лева разговаривал из Фириной комнаты. Фира по-новому внимательно прислушалась и тут же

обиделась на него, как девочка на мальчика. Он что-то рассказывает – Тане, смеется – Тане, голос напряженный, взволнованный голос, и взгляд у него то туманный, то горячий, и все это – Тане?! Из-за Тани нарушилась их такая тонкая, такая нежная связь!.. Но разве то, что у него роман, должно отодвинуть его от мамы?!

Лева все говорил и говорил, Фира кружила вокруг, знаками давая понять, что телефон в коммунальной квартире один на всех жильцов, и вдруг – стыдно, не верится, что она это сделала, – подскочила, нажала на рычаг и не своим голосом произнесла не свои слова: «У тебя столько их будет, а мама одна!»

Сколько раз она смеялась над анекдотами Ильи про еврейскую маму и сына, между которыми никак не разорвется пуповина? Сколько раз в этих анекдотах звучала фраза «У тебя столько их будет, а мама одна»? Фира сама слышала в своих словах преувеличенно еврейский акцент из анекдотов, отметила свою неожиданно характерную местечковую интонацию «руки в боки» – как будто она не интеллигентная женщина, педагог, коренная ленинградка, а только вчера приехала из Винницы, но... Да наплевать на акцент, наплевать на неприличность, наплевать на анекдоты, господи боже мой, у тебя столько их будет, а *мама одна*.

Лева снисходительно улыбнулся: «У меня больше никого не будет, только Таня», и Фира едко улыбнулась в ответ: «В твоём возрасте всем так кажется, а потом будет самому

смешно...»

Как она себя вела, что делала! Говорила гадости. Гадости были умные, не очевидные, а словно оброненные невзначай, намеками. Сравнивала Таню с другими, объясняла ему, что он принц, а Таня... Таня не принцесса. Вот, к примеру, Алена Смирнова – яркая, сильная, необыкновенная. Конечно, она относится к типу опасных женщин, но это и хорошо, отношения с ней – это закалка души, после нее сам черт не страшен. Или Ариша – вся нежность, романтика, глаза как звезды. Или... или девочка из его класса! В матшколе девочки, нужно признать, некрасивые, но есть одна, маленькая, веселая, в очках, – прелесть! В умных девочках есть свое обаяние, да и интересы у вас общие – математика.

Но Таня! Таня, она же родственница, *бедная родственница*. Конечно, не в материальном смысле, в материальном смысле Кутельманы намного превосходят, но кто говорит о деньгах! Таня – бедная родственница по ее качествам. Взять хотя бы внешность. В детстве она была совсем некрасивой: кудряшки-пружинки, длинный нос. Сейчас стала немного лучше – видишь, я совершенно объективна. Хотя нос, конечно, никуда не делся. Кстати о носе, нос растет всю жизнь. Лучшему мальчику полагается лучшая девочка, а Таня, объективно говоря, не лучшая – обычная, никакая. Если она тебе нравится, что ж поделаешь... но я думала о тебе лучше.

«Мама?... Мама!..» – испуганно говорил Лева, как будто заслонялся от нее руками, но Фира продолжала, умно, оза-

боченно, не переходя границы, – и совершенно неискренне. Высокая, тонкая, как прутик, Таня ей внешне нравилась. К десятому классу ее светлые пружинистые кудряшки не распрямились, длинный нос не укоротился, но, как говорил Илья, «на ее лице большими буквами написано “умна, смешлива, никогда не была красива, но всегда была чертовски мила”». Но Фира Таню не хотела!

Казалось бы, хорошо, что первый роман, первые отношения, все происходит... как бы это сказать... дома, среди своих. Таня не станет помехой в подготовке к олимпиаде, она знает, что именно сейчас решается его судьба. Кто может быть лучше, чем своя родная девочка, свой ребенок? Она *никого* не хотела: ни чужих Алену с Аришей, секретарских дочек, ни свою Таню, ни чужих, ни своих. Таня попалась ей под горячую руку, оказалась первой, первой любимой после мамы, но ей казалось, что не хочет именно Таню. *Нет*. Ни за что.

Не такой Фира была человек, чтобы тихо переживать, такие бурные эмоции оставить при себе. Фира реагировала на Левин с Таней роман как разлюбленная женщина. Недоумевала, заглядывала в глаза, обижалась, фыркала, хитрила... Неловко рассказывать, на какие опереточные хитрости она пускалась. Как-то раз Лева пришел домой, а Фира, услышав, как хлопнула входная дверь, разлила валерьянку. Запах валерьянки, на столе прибор для измерения давления, и весь этот театр для того, чтобы Лева спросил «мама, что с то-

бой?!», чтобы испугался, что может ее потерять, чтобы увидеть ужас в его глазах, понять – он еще ее любит... А как еще понять? Ведь сына не спросишь, как спрашивают охладевшего мужчину, испуганным жалко-кокетливым голосом – ты что, разлюбил меня?..

На любые предложения провести с ней время был ответ «мы с Таней», а ведь раньше он так любил ходить с ней в театр, в кино, в Эрмитаж, и какое это было счастье – вместе испытывать одинаковые эмоции, коснуться его руки: «Ты здесь, малыш?» – «Я здесь, мама...». На все попытки восстановить близость с использованием прежних крючков и приемов она получала в ответ невзгляды, не улыбки, скучливое «нормально», снисходительное «нет» – все жаворонки нынче вороны... Изредка Лева привычно заглатывал ее приманки, но доверительный разговор был – «мы с Таней, Тане нужно, Таня хочет, Таня сказала...». Зачем Фире *такой* разговор?! Фира боролась, отступала, одерживала крошечные победы, не победы – победы, опять отступала и наконец впадала в отчаяние. Лежала ночью и думала: «Я его люблю, а он меня нет».

Это было сначала, а потом они начали ссориться из-за математики. Или сначала – математика, а потом Таня?... Иначе отчего же Фира, мама гения, мгновенно превратилась в маму двоечника? Начала следить, *как* там у него с математикой. С математикой было все прекрасно. Но Фира следила. Однажды следила за ним в буквальном смысле, по-шпион-

ски шла за Левой по Фонтанке и с облегчением вздохнула, когда он повернул на Невский, во Дворец, в кружок.

«Математика, олимпиада, в этом году олимпиада в Будапеште, это соцстрана, у тебя есть шанс, Гриша Перельман поедет и победит, сколько ты решил задач?!» – кричала Фира, прорываясь в Левину комнату. Лева сидел за столом, не оглядываясь, не поднимая головы. Она кричала: «Посмотри на меня!», он поворачивался, смотрел. Но лучше бы не смотрел! Фира считывала в его глазах «мама, уйди!», заходила от обиды и опять кричала: «Сколько ты решил задач?! Олимпиада, Будапешт не Америка, победа, университет, матмех, твое будущее, победа... Гриша Перельман победит... Что это у тебя на столе – не математика? Стихи?! Почему стихи, почему не математика?! Сколько ты решил задач?! Математическая олимпиада – это спорт, чтобы победить, нужна воля к победе, а где ты был вчера после школы до вечера? Ах, гулял... ах, с Таней!.. А в субботу ходил в кино – с Таней, но как же олимпиада?! Сколько ты решил задач?!»... Лева вылезал из-за стола, демонстративно ложился на кровать, лежал, закинув руки за голову, глядел в потолок. Фира стояла в изножье кровати, в этой комнатке-кладовке она не могла продвинуться дальше – как у Винни-Пуха, застрявшего в норе Кролика, торчал наружу зад, так Фирина попа торчала из Левиной комнаты в коридор. Со стороны эта сцена могла показаться комичной. И также могло показаться смешным, что в семье гения теперь все время звуча-

ло прежде неслыханное – занимайся, занимайся, занимайся! Занимайся, Левочка! Ты занимаешься, Левочка? У нас одна цель, Левочка!..

В хорошем настроении Лева называл все это «контроль, бессмысленный и беспощадный», в плохом рассудительно говорил «я из-за тебя возненавижу математику». Было и совсем стыдное, казалось, невозможное между ними.

– Ты в кружок, Левочка?

– Нет, я к Тане. Тане нужно алгебру сделать.

– Нет! Ты не пойдешь! Ты... тебе нужно заниматься, – решительно сказала Фира.

Выкрикнув «Я ненавижу математику!» – прозвучало как будто «я тебя ненавижу!» – Лева ушел, а Фира осталась за дверью с опрокинутым лицом и в закрывшуюся перед ней дверь, на всю квартиру, на радость соседкам, выкрикнула глупое: «Никто не смеет так со мной разговаривать!»

Если бы Фира увидела такую сцену в кино, она, педагог, не чуждый психоанализа, сказала бы, что мать ведет себя как брошенная любовница, строит отношения с сыном как с мужчиной, сама провоцирует сына на неповиновение, проверяя, насколько еще сильна ее власть. Реакция на измену может быть двоякой: слабые женщины становятся еще слабей, затихают, сильные реагируют агрессивно, им нужно показать свою власть, подавить, контролировать, чтобы у него земля под ногами горела! Умница Фира, но... это для других, а для себя – ночью раскаивалась в сделанных днем глуп-

постях, а днем в полную силу прорывалось ее властное желание быть любимой, самой любимой, а если ее не любят – подавить.

Стыдные сцены повторялись все чаще, и поводом могло послужить что угодно, а иногда и повода не было. Лева кричал, и она кричала еще громче, она плакала, он просил прощения, она плакала еще сильнее, просила прощения и страстно шептала «не знаю, что со мной». Мирились и затем опять – на любое упоминание Тани она зажигалась как спичка. Если бы ее ученики увидели ее дома, они не узнали бы энергичную красавицу Фиру Зельмановну в этой то плачущей, то кричащей, то изо всех сил сдерживающейся женщине-истеричке... Она вела себя как истеричка.

Фирина мама Мария Моисеевна хоть и не верила в Бога, но часто говорила: «Никогда не знаешь, как Бог накажет». Бог наказал Фиру изобретательно, на ее же поле.

За свою женскую жизнь Фире ни на мгновение не пришлось почувствовать себя отвергнутой: в юности, когда раздают оценки красоте, она была «самая красивая», во взрослой жизни, определяющей женский успех уже не количеством влюбленных, а качеством имеющейся любви, в любви никогда не унижалась и не унижала, самая любимая, богачка, владеющая самым прекрасным на свете Левою, главным мужчиной в ее жизни, красавцем Ильей, умницей Кутельманом. Но зато теперь!.. За время Левиной любви к Тане она прожила полноценную женскую жизнь: поруганная любовь,

предательство, унижение и почти смирение – пусть будет соперница, только пусть он и меня любит. Никогда не знаешь, *как* Бог накажет, но уж точно шлепнет по самому больному.

Возвращаясь к математике – Левины шансы на победу были так велики, как только возможно, и сам Лева был в себе уверен, и Фира несколько в нем не сомневалась, и все это – крики, скандалы, давление, контроль, бессмысленный и беспощадный, – было не про олимпиаду, а про любовь.

– ...Ты представляешь, она его, видите ли, не любит!.. – возмущенно сказала Фира и тут же по-детски попросила: – Только не говори Фаинке.

Кутельман кивнул. До этой ночи ситуация была щекотливая – девочки, Фира с Фаиной, любят друг друга, как родные по крови люди, а Фира Таню не хочет. Встречаясь на воскресных обедах, Фира с Фаиной смеялись, и как всегда он физически ощущал их любовь друг к другу, девочки говорили о работе, о Левиных успехах, обо всем, но ни слова о главном – о романе детей. Такая уж Фира, серый кардинал, управляет всеми, как кукольник куклами, и неприятную для себя ситуацию с блеском разрешила: она отношения детей не заметила, значит, отношений нет. Фаина не обижалась, она умеет быстро понимать, чего хочет Фира, – нет романа, так нет.

Почему, может быть, девочки ненормальные? Ну... все немного ненормальные, а между ними с детства установилось – Фира заказывает музыку, Фаина пляшет. Такая долгая

история между ними, слишком долгая, чтобы разобрать все ниточки по одной. Фаина любит подругу, возможно, самой страстной безоглядной любовью, на которую способна, и у нее, очевидно, есть некоторое чувство вины за нынешнее, так ярко неравное положение. У одной достаток, карьера, квартира, муж профессор, у другой долги, коммуналка, муж-неудачник. Бедная Фирка, она руководствовалась в жизни простым правилом: за каждым плохим поступком следует наказание, за хорошим награда. Но где *ее* награды? Фира, так страстно боровшаяся за правильность жизни, за все, что Фаине досталось без усилий, во всем проиграла, и от ее усилий ничто не зависит, хоть разбейся: Илья не защитится, отдельной квартиры не будет. Дело не в вульгарной зависти, Фирка независтливая, не мучается их материальным достатком, здесь другое – растерянность бегуна, взявшего правильное направление и уткнувшегося в стенку носом... Но как-то они между собой установили равновесие: у Фаины есть все, чего нет у Фиры, зато у Фиры ребенок – гений.

Лева – ее реванш, главное достижение, и что же, лучшее, что у нее есть, вот так просто взять и отдать? Ведь у Фаины и так есть все... а теперь еще и Лева?! Это как будто незаслуженно разделить чужой успех. Кутельман усмехнулся – если бы его мысли были открыты Фире, она убила бы его, разорвала на части – как можно подозревать в ней такую гадость! Но это не была гадость, просто жизнь, и все ли *его* мысли так красивы, чтобы в любую минуту он мог открыть

их людям? Он любит ее всю, со всеми ее чувствами, явными и подсознательными, красивыми и не очень... Месяц назад они с Фаиной болели гриппом, и Фира, заразившись от них, заболела. И кто с температурой под сорок брел по их квартире, держась за стены, с чаем ему и Фаине, кому температура не температура, кто *всегда может*?

Ну, а «не говори Фаинке» означало: Фира не хочет, чтобы Фаина знала, что у блестящего Левы проблемы, что у нее плохо в том единственном, что всегда было прекрасно... Вот бесовское самолюбие! Маленькая моя, погрузневшая, с яркой, седой в черных волосах нитью... Бедная, маленькая, за целую жизнь не заметила его любви, ведет безуспешную битву за первое место в Левиной жизни... Если бы Таню нужно было вынести из огня, Фира бы вынесла, если бы нужно было отдать ей последнее, отдала бы все... Все, но не Леву.

– Эмка! Ты не будешь молча смотреть, как он рушит свое будущее! – энергично сказала Фира.

– Но что я могу сделать?..

Беспомощная интонация напомнила Фире Илью, и она досадливо вздохнула – мужчины... даже самому лучшему из них приходится говорить, *что он может*.

– Ты поговоришь с Таней. Таня скажет ему, что она его любит. И заставит поехать на олимпиаду. Скажет, что будет любить его, только если он поедет.

Кутельман улыбнулся. Слава богу, пришла в себя! Ну, Фирка, ну, молодец! Ведет себя как хороший полководец:

отступает, но не сдается. Мгновенно признала легитимность этой детской любви, смирилась с Таниной ролью в Левиной жизни, с тем, что она уже не первая, и хочет временно передать Тане свои функции – велеть, запрещать, любить, торговаться... В ее голосе всегдашняя уверенность, что все, что она хочет, – можно.

– Но как же?.. Разве мы можем вмешиваться?.. Просить, велеть... они же не марионетки... Если она его не любит?.. Тьфу, черт, Фирка, почему мы должны в этом копаться? Я сам с ним поговорю, убежу его, убежду... тьфу, черт!

– Эмка, нет! Попроси ее! Заставь! Пусть скажет, что любит!.. Она хорошая девочка, послушная девочка... Она его заставит, я знаю, я чувствую, я же мать!.. Эмка, пожалуйста!..

– Но... все же это как-то... Смотри, светает...

Кутельман подумал: «Вот и прошла сиреневая ночь, наша ночь любви» – и тут же стыдливо поморщился. Больше всего на свете он стеснялся пафоса, даже мысленного, особенно мысленного. Наверное, он мог бы сказать «люблю», но даже мысленно всерьез произнести «ночь любви» – фу!.. Чем думать глупости, лучше он сделает глупости – поговорит с Таней. Вот уж очевидная глупость, но с Фирой не поспоришь.

Но это была ночь любви! Единственная ночь любви в их стерильных отношениях, единственный раз, когда на долю секунды между ними возникло любовное напряжение, профессор Кутельман впервые почувствовал *практическое* вле-

чение, и Фира – пусть она не успела заметить, что она ему ответила, – но она ответила! Но, конечно, дело совсем не в этом – если Кутельман и молился богу любви, то, как Цветаева, другому богу любви, не Эросу, и Фира молилась другому богу любви. Всю ночь они просидели, держась за руки, как будто Лева их общий ребенок, воплощение их любви, почти не разговаривали, перебросятся фразой и опять замолчат, Фира скажет полужеланию, он кивнет, – вот такая ночь любви.

– ...Эмка?.. Знаешь что? Я не могу жить без тебя... – сказала Фира.

Иногда слова имеют прямой смысл, ее «я не могу жить без тебя» означает не «я тебя люблю», а именно «я не могу жить без тебя». Кутельман кивнул, рассеянно, чуть заметно, как будто в автобусе пропустил вперед незнакомую женщину, и в ответ на ее «спасибо» кивнул – не стоит благодарности.

Альтернативный фактор

– Таня, вставай, тетя Фири пришла, – позвала Фаина.

Фири пришла вслед за Кутельманом, он не успел выпить кофе, как она уже звонила в дверь. Раннее утро не самое лучшее время для создания и разрешения драматических ситуаций, но Фири не могла ждать. Как она вообще могла доверить Кутельману такое важное дело?! Эмка будет медлить, а решившись наконец, начнет мямлить, в общем, все будет не то и не так. Лучше она сама – и нельзя терять ни минуты. Лева сказал «с математикой покончено» сгоряча, и чем дольше он сидит у Виталика – мальчишки пьют вино, философствуют, – тем больше сгоряча превращается в решение, в игру вступают упрямство, самолюбие – «ни за что не перерешу» и прочие глупости. Нужно подсесть дурную траву на корню, остановить Леву немедленно, пока это еще может остаться нервным выкриком... Да, так и нужно к этому отнести, это был нервный срыв, не более того. Она вела себя глупо, глупо принимать Левины слова всерьез, глупо поддаться самолюбивому желанию скрыть эту детскую историю от Фаины, глупо ждать – нужно действовать!

Таня в пижаме, не умывшись, не причесавшись, ринулась на кухню – тетя Фири пришла!

...Фири, непривычно некрасивая, отекая, Фаина с торжественным лицом, Кутельман с выражением лица «я тут ни

при чем» сидели за кухонным столом, втроем по одну сторону, Таня, в своей фланелевой пижаме в зайчиках, стояла перед ними, как подсудимая на суде присяжных, – бедный испуганный заяц, глаза, уши, дрожащий хвост.

– Эмка! – сказала Фаина, словно натягивая резинку рогатки.

– Э-э... да... что?..

– Хорошо, я сама. Таня, мы с папой как интеллигентные люди не вмешивались в ваши с Левой отношения. Но ты ведь понимала, что мы их не одобряем?.. Когда встречаются люди равного масштаба, отношения имеют будущее, но Лева и ты – это все равно что...

Кутельман торопливо кивнул «не одобряем, не одобряем», и они с Фаиной посмотрели на Фиру, как дети на воспитательницу – съели всю кашу и ждут похвалы.

В сущности, эта история была стара как мир: мама Ромео против Джульетты, мама Левы против Тани. И бесцеремонные усилия, предпринятые Фирой для Левиного спасения, и намерение попросить за сына недостойную его Таню – все это не так уж необычно. Но кое-что все же необычно: *обе* семьи – и Кутельманы! – были убеждены, что Таня его недостойна, ее собственные родители искренне считали, что ей досталось то прекрасное, что не могло принадлежать по праву, что Лева и Таня «все равно что...». Что? Гора и пылин-ка, великан и козявка, гений и тупица тряпочная? Не часто

встретишь родителей, убежденных, что их ребенок недостоин любви.

– Тетя Фира нам рассказала. Из-за твоих «любишь-не-любишь» Лева так расстроился, что не поедет на олимпиаду. Нам с папой стыдно за тебя. Ты нас подвела, всю семью... Не стой с открытым ртом.

Кутельман, которому на этом процессе досталась роль адвоката, взглянул на Фаину с упреком.

– Не нужно ссориться, мы все и без того расстроены. Таня и сама понимает, что девичьи капризы не стоят Левиного будущего. Ну... э-э... Таня, ты должна убедить Леву, чтобы он поехал на олимпиаду... Уф-ф, все... Я сказал?.. Я сказал. Я все сказал, что вы хотели. Можно я пойду работать?.. Девочки, Фирка, Фаинка, отпустите меня... Мне нужно написать отзыв на диссертацию.

Только теперь Таня окончательно проснулась, проснулась и прошептала:

– Как не поедет?.. Я не хотела, честное слово, не хотела! Я не думала, что он... Я сказала ему... Ну, неважно, это наше личное...

– У Левы нет ничего личного, отдельного от меня, – вскинулась Фира. Это прозвучало чрезвычайно глупо, и Кутельман посмотрел на нее с мягким упреком, и Фаина кинула на нее жалеющий взгляд, как приласкала, и Таня протянула – «ну те-етя Фи-ира...».

Лет до трех Таня любила Фиру больше мамы: мама блек-

лая, а тетя Фира разноцветная, тетя Фира обнимала крепко, кричала «или ты все съешь, или я тебя убью!» – в Тане начинали бурлить счастливые пузырьки, смешинки скакать, – сердилась, опять обнимала. Считается, что это типичная еврейская мама, то орет страшно, то ласкает жарко, но как же Фаина – еврейка, из той же коммуналки? Она, как известно, типичная китайская мама. Уходя от Резников, китайская мама свою дочь от еврейской мамы отдирала: Таня, не смея кричать, вцеплялась в Фиру и молча висела, Фаина снимала ее с Фиры, как яблоко с яблони. Фира и с подросшей Таней обращалась так же: истово кормила-ласкала-орала, могла посадить к себе на колени, прижать, тут же рассердиться, спихнуть, накричать, она же ей как дочка, – и ничего не было слаще, чем быть Фириной как дочкой.

Поняв, что у Левы с Таней роман, Фира не перестала Таню кормить, она перестала на Таню смотреть. Не замечала ее так искренне, что, казалось, вот-вот спросит «а это кто?», а случайно споткнувшись об нее взглядом, начинала разглядывать, придирчиво, как чужую, как будто не рассмотрела ее еще в пеленках. Между Таней илевой это называлось «она впала в детство», и действительно, Фира как будто стала маленькой, а они взрослыми. Таня очень старалась на тетю Фиру не обижаться, и это было бы легко, если бы Таня перестала ее любить, но она не перестала.

– Что ты ему сказала? Важно каждое слово. Скажи точно, что ты ему сказала, – голосом полкового командира требо-

вала Фира.

– Но... тетя Фира! Как я могу сказать... Я никогда не смогу сказать...

– Она стесняется, ей неловко говорить... Фирка?.. – Не отпущенный работать Кутельман как будто переводил с Таниного языка на Фирин, но Фира сейчас не знала никаких слов, кроме «спасти Леву».

Фира без труда вытащила из Тани то, что та «никогда не сможет сказать». Надо заметить, Таня почти не сопротивлялась – ей было страшно. Если их слевой отношения вдруг стали важным общесемейным делом, она *должна* рассказать, и они вместе решат, что делать.

– ...Я сказала: ты для меня прочитанная книга, ты запрограммирован на победу, ты не способен на порыв... И еще: я тебя больше не люблю.

– И все?.. Господи боже ты мой, а я уж думала!.. А почему это он не способен на порыв? А драка, помнишь драку?.. Ну, ладно, скажешь ему, что любишь, и все, – велела Фира, и Таня посмотрела на нее дикими глазами, тетя Фира так яростно ее не хотела, а теперь строго требовала отчета «эт-то что такое, почему не любишь?!», и как будто расхваливала Леву, просила ее за него... Ее за *Леву*?..

– Нет, – сказала Таня, и Фира удивленно на нее посмотрела – что нет, когда да?

Она размышляла: почему Лева сказал «она меня не любит из-за тебя», потому что унаследовал привычку Ильи, у

которого она была всегда во всем виновата? Или считал, что она запрограммировала его на победу? Но воля к победе – прекрасно, правильно...

– Тетя Фира, не сердитесь, я все сделаю, я скажу, чтобы он ехал, чтобы он не бросал математику, но как я могу сказать «я тебя люблю»? Это обман.

– Да ты его любишь, любишь!.. Не может быть, что не любишь, кого же тогда любить?!

– Я его люблю, но не так, а как в детстве... Я не могу, это обман. Это невозможно... Я люблю другого человека.

Таня стояла перед самыми своими близкими людьми, вид у нее был самый комичный: правую руку она рефлекторно прижала к груди, а левой сжимала пижамные штаны, штаны сползли, она подтягивала их рукой, они опять сползли... Стояла перед родителями и Фирой, придерживая штаны с зайчиками, и твердила про себя «люблю, люблю, люблю...». Ей было семнадцать, и она не понимала, как можно сказать «люблю» без любви, и, как у всякого романтического подростка, у нее было трагическое мироощущение, в эту минуту она верила, что всю жизнь – всю жизнь – будет любить этого мальчика, бедного погибшего мальчика с его прекрасными стихами.

– Другого человека?! – Фаина взвилась, как будто Таня изловчилась и укусила ее через стол. – Ты член семьи, это – семья, это – Лева, а ты любишь другого человека?!..И кого это, интересно?! Как вообще психически здоровый человек

может говорить, что любит того, кого нет! А как психически здоровый человек может вести себя, как ты вчера... Я даже рассказывать об этом не могу... Фирка, представь, я вчера захожу к ней и знаешь что я вижу – она стоит перед зеркалом голая и в шляпе. Стоит голая, в чужой грязной шляпе, и мечтает о небесных кренделях...

Таня на секунду задумалась – может быть, она и правда сошла с ума? Вчера вечером она разделась и хотела надеть пижаму и вдруг заплакала – и надела его шляпу. Надела шляпу и замерла перед зеркалом, представляя, как будто он стоит за ней, как будто это кино и его просто не видно в кадре.

Когда Алена привела Таню домой, она висела у нее на руке, как тряпичная кукла, не могла ни плакать, ни говорить, и Алене пришлось объясняться с Фаиной. Аленин рассказ был чудесным образцом дипломатии и весь состоял из простодушного «случайно»: мы случайно слушали одного поэта, он случайно выпал из окна...

Внимание взрослых ненадолго переключилось на Таню – Лева хочет испортить свою жизнь из-за нее, а она из-за человека, которого нет в живых.

– Ты что, еще глупей, чем мы думали? – спросила Фаина и сама себе ответила: – Да, ты еще глупей, чем мы думали!.. Ах, он ушел в другой мир из-за непонимания... Твой поэт погиб не от непонимания, а от наркотиков и алкоголя!

Я специально консультировалась, это характерный синдром наркотического опьянения!..

Бедный заяц с припухшими со сна глазами, бедная Таня, это была ее История Любви – поиск, обретение, потеря... Смерть от наркотиков превращала Поэта в наркомана, а любовь в медицинский случай. Таня резко согнулась, как будто Фаина выстрелила ей в лицо. Ей бы развернуться, выбежать, хлопнув дверью, но она никогда не была способна к резким движениям, ни в прямом, ни в переносном смысле. Кутельман поморщился – что за театр одного актера в его доме, и действительно получилось театрально, и Танина роль в этом спектакле была – Пьеро, его пинают, он плачет.

– Таня, для нас главное, чтобы Лева остался в математике. У него редкий уровень абстрактного мышления, он мог бы достичь успеха в самой трудной области – в топологии... Ты же понимаешь, кто Лева, а кто ты... Ты моя дочь, должна понимать... из этого следует... именно поэтому... что и требовалось доказать...

– ...Нам с папой за тебя стыдно... ты подвела всех нас. Три взрослых человека тебя просят, а ты!..

– ...Ты член семьи и должна соблюдать интересы семьи. Таня не плакала, не раздумывала, не чувствовала ничего, она будто смотрела кино. Папа смотрит на свою дочь с удивлением, она кажется ему самодовольной и наглой... Для папы это очень важно – Левино великое будущее, великая ма-

тематика, для нашей семьи это настоящая трагедия... Мама смотрит на свою дочь с ужасом, тетя Фира рассердится на маму, и что она будет делать без этой дружбы, которой столько же лет, сколько ей самой? Тетя Фира смотрит страстным взглядом так, что остается только одно – разбиться в лепешку и сделать все, что она велит...

...И вдруг как будто плотину снесло, Фира вскочила и пошатнулась, еще секунда, и она, казалось, упадет.

– Таня! Просто скажи, скажи Леве, что ты его любишь! Ему нужна олимпиада, он же не поступит в университет, он же еврей! Просто скажи, что любишь!.. Ты же хорошая девочка, послушная девочка, скажи, что любишь! Обмани его, обмани, а потом, когда Лева победит, потом – люби своего поэта!

Таня кивнула – конечно, хорошо, как вы хотите.

Таня кивнула, и так велика была сила семьи, что, привычно согласившись сделать все, что они хотят, она почувствовала облегчение – она хорошая девочка, послушная девочка, она обманет и будет любить Поэта потом, когда они разрешат, Поэту ведь все равно, его все равно нет...

– Ну, все, слава богу, разговор окончен, – сказала мама. – И пожалуйста, больше без этих романтических глупостей. Помни, что Лева – это Лева, у него блестящая судьба, а ты обычная, ничем не примечательная девочка. И между прочим, этому есть еще одно подтверждение – письмо из редак-

ции «Юности».

– Мы не читаем твой дневник, не думай... Это произошло случайно, мама думала, что это какая-то моя официальная бумага, – заторопился Кутельман.

Письмо из редакции пришло, когда Таня уже перестала ждать, ходила после гибели Поэта как автомат. Как на автопилоте, после школы побрела на почту и, как на автопилоте, сделала несколько танцевальных движений на слова почтовой девушки «танцуй, тебе письмо!».

Ответ из редакции «Юности» был настоящая рецензия, на двух страницах. Некая Журавлева Т. С. отметила искренность, живой язык, удачные метафоры, название, которое «сразу притягивает взгляд», и юмор. Написала, что рассмешить читателя гораздо труднее, чем заставить плакать, а Тане удалось ее рассмешить. Она даже написала, в каких местах смеялась. Написала, что в рассказе хорошо раскрыта проблема юношеского одиночества. Напечатать рассказ в журнале нельзя – проблема юношеского одиночества раскрыта хорошо, но показана на примере крайне незначительной части населения. В стране большая часть людей не носит джинсы, и страдающая девочка, у которой нет джинсов, вызовет непонимание и раздражение. В конце было написано: «Вы способный человек, продолжайте работать». Таня повторила эти слова про себя сотни раз, сказала сама себе вслух с разным выражением, проиграла в уме множество разных диалогов, всерьез и не очень...

– Татьяна, вы способный человек...

– Ой, а я и не знала.

– Уверяю вас, что это так.

– Я не знала, но я всегда надеялась.

Она хотела рассказать родителям позже, потом, когда немного придет в себя и сможет радоваться вместе с ними. Папа всегда был к ней добр, но она знала, на сколько не оправдывает его ожиданий – на много, на целую себя, и чувствовала, как бы это сказать... чувствовала пределы его отношения к ней, и у нее была цель преодолеть эти пределы. Цель была достигнута, она сможет показать ему письмо из редакции, прочитав вслух «вы способный человек»... Как обидно, что родители уже знают, она хотела сама подарить папе этот подарок, хотела, чтобы это был сюрприз, семейный праздник!..

Фаина улыбнулась – все наконец-то стало хорошо. Таню ввели в ум, Фира не сердится, и, между прочим, можно впредь не играть в эту Фиркину игру, что у детей нет романа. Все хорошо!

– Танечка, я прочитала, потому что это не частная переписка, а официальный ответ, а ты еще несовершеннолетняя. Мы с папой молчали, не хотели тебя обижать, не хотели подчеркивать, что у тебя опять ничего не вышло.

– Фаина, все, она не будет больше писать, она не графоманка, – сказал Кутельман.

Ему всегда было трудно сказать своему аспиранту «не то,

не получилось, не вышло», в его голосе звучали смущение, жалость, неловкость, и это был *такой* голос, Таня его узнала. Но это же ее Успех...

Глупо, но через годы, через целую жизнь, до сих пор она вздрагивает от стыда, что попыталась растолковать, объяснить.

– Вы не понимаете! Там написано, что я способный человек... Там написано «продолжайте работать»! Это не отказ, это разбор, она меня хвалит! Вы прочитайте еще раз, я способный человек...

Кутельман пихнул Фаину локтем – не надо, молчи.

– Эмма, оставь. Это нужно не мне, а ей... Танечка, всем пишут одинаково – «работайте дальше, вы способный человек». На самом деле это означает «не пишите больше». Это просто стандартная форма отказа. Твой рассказ не взяли – это и есть ответ. Не расстраивайся, инженеру не обязательно писать рассказы.

Таня бормотала:

– Нет, это не так... у меня удачные метафоры... и чувство юмора... вы не правы... Я сама про себя знаю... Человек может быть прав, только когда говорит о себе... Это Толстой сказал...

– Кто это сказал?.. – переспросила Фаина. – Толстой?..

– Козел! Козел, козел!.. – закричала Таня.

– Кто, Толстой? – рассеянно спросила Фира. Честно говоря, она немного отвлеклась от разговора и нетерпеливо ер-

зала, пытаясь сказать Тане, чтобы та уже шла одеваться – и к Виталику, за Левой.

Таня не знала, кого она имела в виду, кто козел. Козел было самое сильное слово, которое пришло ей в голову. Она всю жизнь хотела им нравиться. Как-то в детстве услышала, что мама говорит «у нее здоровое горло, она почти не болеет». Мама гордилась, что она не болеет, и она старалась не болеть. А теперь она хотела им *не нравиться*, вот и закричала «козел».

– Ты меня предала! – кричала Таня Фаине.

– Ненавижу твою скрипку и тебя ненавижу! – Фаине.

– Я сыграла все трели в «Покинутой Дидоне», а ты меня даже не похвалила! – Фаине.

– Стать инженером! Сама ты инженер! Я лучше умру прямо сейчас! – Фаине.

Таня кричала и чувствовала, как вместе со злостью из нее выходит страх.

И Кутельману:

– У тебя есть Лева, а у меня вообще нет отца! – И даже, кажется: – Подавись своим Левой!

И напоследок, перед тем как развернуться и хлопнуть дверью так, что на столе звякнули чашки:

– Я не буду любить, кого вы скажете!

Все молчали. Услышали, как хлопнула дверь Таниной комнаты, через пару минут еще раз, затем входная дверь.

– Она технически сыграла хорошо, а медленную часть

сыграла скучно, я зевала, — дрожа губами, сказала Фаина.

— Нормальная мать не зевает, когда ее ребенок на сцене... — сказал Кутельман.

— Я плохая мать?! Между прочим, у нее и к тебе есть претензии...

Кутельман расстроился — конечно, за Фиру. Думал: Фира по силе своих чувств — герой античной трагедии, трагедии властного материнства, и, как у всякого героя, у нее есть «роковой изъян», в греческой трагедии «гамартия». Трагический изъян характера, источник терзаний слишком активного человека из-за попытки преступить пределы предначертанного человеку, попытки повлиять на судьбу из-за угла... А Таня?.. Что Таня, она одумается, попросит прощения. Для одной ночи и одного утра слишком много было эмоций, и он с наслаждением предвкушал, что сейчас сядет за работу, как измотанные усталостью люди думают: «сейчас наконец-то лягу, засну и буду спать три дня и три ночи».

Ну, а Фирины мысли совершенно очевидны — как же теперь слевой?! Ей было крайне унизительно просить Таню, такую незначимую в семье, за своего блестящего сына, но она просила. Ее альтернативный фактор — что будет, если она не добьется своего, — был самый сильный: Лева перечеркнет свою жизнь. Таня казалась ей бессердечной эгоисткой с придуманной любовью — ну скажи ты мальчику «люблю», пусть уже он поедет и победит и не ломает из-за тебя свою жизнь...

Фи́ра – герой, а Кутельманы – греческий хор.

Потом, когда все свершилось, Гриша Перельман уехал на олимпиаду, а Лева не поехал, и Фире, и греческому хору стало легче – какая ни есть определенность лучше, чем распаленное сознание, когда как на горках: то надеялись, Лева одумается, поедет, то отчаяние – нет, не поедет... У Кутельманов в этой истории был сильный альтернативный фактор – они боялись из-за глупой истории с детьми потерять Фири-ну дружбу. Бедная Таня с ее придуманной любовью к Поэту в этом клубке «любви и дружбы» – пешка. Но и у нее был свой альтернативный фактор – потеря достоинства. Что же, ей так и быть пешкой?

Остается вопрос – *как* такая история могла случиться в интеллигентной семье?

Но если подумать, это именно что очень интеллигентская история: заставить полюбить ради математики... Профессорская дочка и рокер, непризнанный гений с печатью смерти, и – все для детей, скрипка, математика – математика как самое прекрасное в мире... и заставить полюбить ради математики, почему нет?..

– Эмка, Фаинка, не ссорьтесь... Я пойду?.. Илюшка, наверное, проснулся, а меня нет... – сказала Фи́ра.

Ну, а Илья, как обычно, все самое неприятное проспал.

Дневник Тани

30 апреля

Алена меня спасла. Мне стало слишком много всего плохого: и Поэт, и их предательство, и что они меня никогда не любили. Господи, Алена! Сколько же нужно иметь благо-родства, чтобы рассказать все это про себя, ЧТОБЫ МНЕ ПОМОЧЬ, чтобы я поняла – бывает такое, что нужно сжать зубы и терпеть.

Я сказала Алене: «Моя жизнь кончена, они меня никогда не любили». Алена фыркнула.

Я сказала: «Моя жизнь кончена, я всегда буду любить По-эта». Алена фыркнула.

Я сказала: «Я правда больше не хочу жить».

«Знаешь, почему я стала валютной проституткой?»

Я машинально сказала «нет» и вдруг поняла, что она ска-зала. Алена – проститутка?!

Она раньше рассказывала мне, как нормальные девочки, студентки, становятся валютными проститутками. Это или шантаж КГБ из-за какой-то провинности, или подстава на деньги, или все вместе. Например, девочка покупает джинсы в туалете Гостиного Двора. Ее ведут в милицию, по дороге подсовывают в карман 10 долларов. Пугают: «Сообщим в ин-ститут и родителям на работу, и кстати, у тебя есть брат, ему пора в армии послужить... Но ты можешь искупить свою ви-

ну. Как? Нужно войти в доверие к одному человеку, притвориться проституткой, переспать с ним, тебя не убудет, еще и денег заработаешь. Только не надо разыгрывать трагедии, всего один раз...» Девочка — думает «ладно, один раз...» — но один раз не бывает, коготок увяз — всей птичке пропасть.

Но Алена! Причина, по которой Алена стала проституткой, идиотская, немыслимая, так не бывает!

Алена сказала, что она проститутка для тех, кому нужна девственница. Она рассказывала, а я сидела как во сне!

У нее было пять клиентов. Первый был японец. Ему нужно было, чтобы Алена плакала и боялась.

Заплакать Алена не смогла, а боялась по-настоящему. Японец так хвалил Алену Капитану, что тот сказал Алене «ну, ты просто Комиссаржевская». Я не сказала Алене ни слова про Капитана, не хотела быть как моя мама, которая всегда говорит «а я тебя предупреждала!». Почему Комиссаржевская? Наверное, Капитан не знал других великих актрис, а рядом с «Европой» театр им. Комиссаржевской.

Второй был швед, такой застенчивый, что Алене казалось, что на нем штанишки с помочами и сейчас прилетит Карлсон. Он хотел, чтобы у них был не настоящий секс, а как будто они дети и играют в «маму с папой». Это такой комплекс, из-за него он не мог быть с взрослыми женщинами.

Два других были американцы. Один сказал, что его в школе обидела девочка из команды поддержки, самая красивая, как Алена. Ему нужно было доказать самому себе, что он

все-таки занимался сексом с лучшей девчонкой на заднем сиденье машины, он даже шептал Алене «давай разложим сиденья». А другому американцу хотелось представить, что он с Мэрилин Монро, он шептал Алене «моя Мэрилин».

– Мне это много дало, – сказала Алена.

– Что?! – сказала я.

Алена сказала, что ей это дало полную власть над мужчинами. Теперь она знает про мужчин главное – что даже самый успешный и прекрасный мужчина всего лишь жалкий пенис. Американец, который шептал в номере «Европейской» «давай разложим сиденья», был красив и богат, он был членом конгресса, и он был таким жалким... Все эти странные мужчины были богатыми и влиятельными. Швед, например, был знаменитым писателем, которого печатали в «Иностранке». Моя мама его любит, и тетя Фира тоже. Знали бы они! Получается, что все ее клиенты не извращенцы, просто несчастливые люди. Оказалось, что в мире столько несчастных людей! Хотя это, конечно, было неинтересное сведение для Алены, ей было наплевать на всех несчастных мужчин мира.

Алена сказала – если нет возможности спастись, нужно сжать зубы и терпеть, обдумывая планы мести. Как отомстить Капитану.

– Я его убью, – сказала Алена, – придет время, и я его убью.

А пятый клиент вообще не собирался с ней спать. Он по-

просил Алену сделать минет. Алена делала вид, что не понимает, стесняется, боится, а он все пригибал ее голову к себе. По договоренности она могла вызвать Капитана в случае незаконных требований клиента – неожиданно взявшийся третий человек, мужчина или женщина, садомазохистские цепи или наручники. Алена раздумывала, может ли она вызвать Капитана, и все повторяла про себя «назвался груздем – полезай в кузов... назвался груздем – полезай в кузов», и на третьем «кузове» ее вырвало прямо на этот назойливый пенис. Клиент пожаловался Капитану. Капитан сказал Алене «ты или работаешь, или нет». Это была просто фигура речи, он не имел в виду, что она может выбрать не работать. Он очень подлый и хитрый, этот Капитан. Он специально оставил ее девственницей, потому что не хотел под статью. Алена так сказала.

Господи, Алена!

Причина, по которой Алена стала проституткой, нечеловечески нелепая!

Хотя все настоящие причины нелепые и у Алены была именно что человеческая причина.

Она сказала: «У него была моя фотография в таком виде, ну, ты понимаешь... Я не могла, чтобы папа увидел меня в таком виде... Не смейся».

Я и не смеялась, чего это я буду смеяться? Я просто подумала, что Алена идиотка!

А потом я представила, как будто я – Алена. Вот я пред-

ставила, что я – Алена, и мой папа, МОЙ ПАПА смотрит на МЕНЯ на фотографии. Где я распластанная, как лягушка, как в жестком порно. НЕТ! НИ ЗА ЧТО!

Я бы сделала всё всё что угодно, я бы стала проституткой, я бы умерла, только бы мой папа не увидел меня в таком виде!!

А тем более у Андрея Петровича больное сердце. А тем более он так относится к Алене, будто она икона. Ему увидеть свою Алену в таком виде невозможно, НЕВОЗМОЖНО!

Я плакала, хотя я до этого плакала целый день, и мне уже вроде бы и плакать было нечем. Я восхищаюсь Аленой, ее силой духа, ее благородством, ее преданностью. Я раньше думала, что она все свое смелое делала для себя, чтобы ей было интересно, а она принесла себя в жертву, чтобы защитить своего папу, а я бы смогла? Спасибо тебе, Господи, что я этого никогда не узнаю.

Она так долго со всем этим одна! А я приставала к ней со своими детскими проблемами.

Хорошо, что Ариша не знает. У нее очень тонкая душевная организация, несовместимая с таким знанием.

Я могу умереть за Алену, я могу... Я спросила Алену, что нам делать. Она сказала: «Больше никогда не говори, что не хочешь жить». Это прозвучало как в кино про войну, когда солдат, умирая на поле боя, говорит оставшемуся в живых другу: «Ты живи за меня».

Май. Роковой изъян

Как в водевиле, где персонажи по очереди выходят, хлопая дверью, и как бы случайно оказываются в одном месте, оба, и Таня, и Лева, оказались у Виталика. Как в водевиле, как в сказке, где к мышке-норушке по очереди стучатся лягушка-квакушка и зайчик-побегайчик. Сначала постукался Лева, за ним Таня. Но где же им еще быть? Виталик жил один, у остальных дома – родители, а «отель» было слово совершенно из иностранной жизни. Они сидели у Виталика, как в крепости. Таня – как волоокая царица, Лева – как Чайльд Гарольд, угрюмый, томный, Виталик – как мышка-норушка, хозяин теремка, хлопотливый и немного испуганный. Не ходили в школу, не выходили за продуктами, как будто, если выйдут во двор, их схватят.

К Тане приходил Илья, а к Лева – Кутельман. Как всегда, будто перепутали, кто чей ребенок.

Дядя Илюша сказал:

– Ну, Танька, это был твой бенефис!.. А насчет мальчика того погибшего – плачь, Танька, реви. А вот когда наплачешься, у тебя начнется настоящий роман.

Если бы это сказала мама, Таня бы ее не простила... Она и так ее не простила! А Илья сказал – она задумалась. И тут же, не отходя от двери, поняла: дядя Илюша прав, она хочет горевать, но любить все-таки хочет живого человека.

– А домой-то когда вернешься, блудная моя?...Танька?!
Что мне им сказать? – спросил Илья как-то даже восхищенно, словно позавидовал, что она *им* все высказала.

– Лева вернется домой, а мне некуда возвращаться.

– Ладно. Еда под дверью. А деньги я под дверь подсунул, – отозвался за дверью дядя Илюша. – Смотри, рубли по полу ползут...

Лева сказал – не возьмем ни за что, а Виталик взял, купил три бутылки «Изабеллы».

Кутельман тоже беседовал с Левой через дверь. Все беседы были через дверь и с едой в газетных пакетах – посланцы, уходя, Фирины котлеты оставляли под дверью, как будто Лева с Таней были дикие звери в клетке, к ним нельзя зайти и можно только просовывать еду через прутья. Алена с Аришей таскали еду из дома, и Таня три раза в день делала яичницу со всем, что близнецы могли запихать в карманы.

Кутельман Таню не позвал, а сама она не вышла – лежала на Светланиной кровати и думала – папа никогда не простит ей, что Лева отказался от математики.

Они вообще все время проводили на огромной Светланиной кровати, лежали втроем, разговаривали, как эпикурейцы, лежа. Алена с Аришей приходили, валились рядом, лежали впятером, разговаривали, Лева иногда забывался, не замечая, что разговаривает один, но ведь он всегда говорил, а они слушали... Социализм на последнем издыхании, мы должны переходить к рыночной экономике... СССР нахо-

дится между Востоком и Западом, поэтому буржуазная демократия неизбежна... В российской истории все повторяется, существуют циклы, любое движение протеста заканчивается реакцией... Народ нужно просвещать... Лидера нет, не старикашки же эти... Нужны личности, вот Ленин... Пусть идея дурная, но интеллект, и рядом с ним личности, Троцкий...

– Ага, настоящих буйных мало, вот и нету вожаков... Тебе не надоело: «декабристы разбудили Герцена, Герцен развернул революционную агитацию...», и всегда «страшно далеки они от народа», то есть узкий круг столичных умников типа тебя мечтает о демократии, а народу по фигу... – сказал Виталик. – Зря Ленин вас выпустил из-за черты оседлости, вам, евреям, только бы где-нибудь революцию сделать... Может, тебе революционером стать? За революцию не получишь Нобелевскую премию... Иди, Левка, в науку, в физику, как всякий порядочный еврей...

– Левка, у тебя правда с математикой все?.. – спросила Ариша сочувственно, как будто математика – девушка, с которой у Левы была любовь. Кто из них кого бросил – неизвестно, но все равно плохо, так долго были вместе...

– Нет, я не Гриша Перельман, я другой, – продекламировал Лева.

– Да не хочет Левка на этот матмех! В Петергоф на электричке с Витебского вокзала! Настоящие математики все немного ку-ку, фрики. А Левка не фрик, он ого-го! – под-

держал Виталик. – А может, тебе пойти в диссиденты?

Лева толкнул его – сам ты ку-ку – и серьезно сказал:

– Не хочу в диссиденты! Это не мое, я не хочу протестовать, я хочу конкретно делать для страны...

– Я этой стране ни хера не должен, – сказал Виталик.

– А я вообще никому ничего не должна, только друзьям и близким, – сказала Алена.

И понеслось... Кто важнее – друзья или родственники... А если бы твой отец оказался предателем? Каким предателем? Ну, полицаем... Каким полицаем, это же во время войны было... Будет третья мировая война... Причиной третьей мировой будет конфликт религий... Религия, русский народ, православная идея, Достоевский... Достоевский слишком мрачный... Он не мрачный, а нервный. Вот кто безысходно мрачный – это Чехов... С ума сошли – Чехов мрачный!.. Мрачный, мизантроп, вот Стругацкие настоящие оптимисты, вспомните «Обитаемый остров»...

– Нет. Мы должны, патриотизм для меня не пустой звук... – невпопад, отвечая каким-то своим мыслям, сказал Лева, и Виталик с Аленой посмотрели на него с иронической жалостью, словно он сам был героем «Обитаемого острова», попавшим на их планету, полую планету, где они ходят головой к центру шара и любая его попытка объяснить суть вещей ведет к признанию его сумасшедшим.

– А может быть, я хочу заниматься матлингвистикой... или даже филологией... или просто написать роман, – сказал

Лева.

– Написать хорошую книгу и есть патриотизм, самое главное, что может человек сделать для человечества, потому что люди, читающие хорошие книги, не станут подлецами, – вступила Таня.

– Нет, количество хороших и плохих людей описывается кривой нормального распределения... Я тебе уже объяснял и кривую рисовал! Это распределение вероятностей, которое задается функцией плотности распределения, балда!..

Балда неуверенно улыбнулась. Здесь, сидя взаперти, Лева мгновенно от отвергнутого возлюбленного перешел к дружеским с ней отношениям. Ни влюбленных взглядов, ни единой попытки дотронуться до нее, ни-че-го, вот такая радикальная перемена. Это было непонятно, и Таня посматривала на Леву сначала требовательно – «что такое, ты же любишь меня!» и робко – «нет, не любишь?..» – и, честно говоря, чувствовала себя обокраденной – быть центром драмы, неумолимой возлюбленной гения, верной погибшему Поэту, – одно, и совсем другое... как бы помягче выразиться... остаться *без ничего*. Единственное объяснение, которым она располагала, было объяснение общесемейное: Лева опомнился, увидел ее трезвыми глазами, понял, что она его недостойна – все та же старая песня «кто ты, а кто он».

Записки Кутельмана

Я разговаривал с ним через дверь. Представлял, как он стоит там, за дверью, красивый мальчик, выше меня, в свои семнадцать лет он как цыпленок, только что вылупившийся из яйца. Глаза у него Фирины, но еще совсем детские, у Фирки были такие глаза, когда мы познакомились, много лет назад.

Бедный мальчик, мучает нас и сам мучается. Сказал: «Математика стала мне мала». Сказал: «Жизнь больше, чем математика» и еще: «Дядя Эмма, я не знаю, я буду думать, но не рядом с мамой». Я почувствовал недоумение, такую же обиду, как Фира.

Он уже все решил: ему не нужна олимпиадная математика. Его слова: эта дрессировка на решение олимпиадных задач не имеет отношения к математике. Более того, ему вообще не нужна математика.

Мои аргументы: безусловно, математика в некотором смысле заменяет жизнь, но для человека с его уровнем абстрактных способностей наука – это единственная возможность свободного развития.

Странная фраза им была сказана: «А может быть, я хочу заработать много денег».

Бедная Фира! Так и вижу, как она краснеет: «Какой стыд, деньги!»

Бедный я — деньги после математики! Так и хочется написать «после всего, что между нами было»! После того, что мы были с ним одно, после всей моей жизни, посвященной ему, после его жизни, посвященной математике!

Если бы он жил на Западе, где деньги такая же ценность, как успех, свобода. Но ведь мы живем при социализме, существующий порядок вещей неизменен, социализм вечен. Мы зашли в тупик, и в этом тупике останемся навсегда, во всяком случае, нам и нашим детям суждено умереть при социализме.

Но откуда в нем такой прагматизм?

Но после этого еще более неожиданное: «Дядя Эмма, я буду чего-то стоять, если откажусь от того, что умею».

Я растерялся: то деньги, то вдруг такой юношеский романтизм. Сложная личность, прагматик и романтик в одном лице. Меня как будто нет, как будто из меня вынули часть, ведь столько лет мы с ним были одно.

Но если быть честным с собой?

Если быть совсем, окончательно честным.

Бедный мальчик, бедный растерянный ребенок, а ведь мы его использовали. Мы, Фирка и я, любовались им, как прекрасным произведением искусства, как картиной, любили его талант, не обращая внимания на него самого.

А ведь я давно уже знал, что из гениального ребенка не вырастет математик! Математика требует не просто полного сосредоточения, но и длительного ухода из реального мира

в мир абстрактных образов и понятий. А он при великолепных абстрактных способностях по складу личности не математик. Это тот редчайший случай, когда недюжинный талант, то есть абстрактные способности противоречат натуре. Как кисть, берущая октаву, и полное отсутствие слуха.

Я молчал, чтобы быть с Фирой одним целым. Я хотел быть к ней ближе, поэтому так любил Леву? Так я виноват?

Трудно выразить словами, что я чувствую. Беспокоюсь за него очень. Нельзя убить в себе абстрактные способности по желанию. Что с ним будет?

* * *

Потом, позже, когда Таня уже доросла до окончательно взрослого человека и соответственно до мысли, что каждый достоин каждого – или недостойн, так что рассуждать в этих категориях совершенно бессмысленно, она догадалась, и догадка была простая-препростая. Лева, так страстно желавший отделиться от мамы, что даже спутал маму с математикой, придумал эту любовь – мама не выпустила бы его из математики просто так; без любви к Тане, придуманной, страстной, ему перед мамой было не устоять, она его вернула бы к себе, заговорила, заплакала. На что только не пойдешь, чтобы вырваться на свободу от мамы!.. Конечно, все это было неосознанно, не то чтобы он взял и продумал всю интригу... Все это было неосознанно.

К тому времени, как Таня придумала это свое психоаналитическое объяснение, она уже много раз убеждалась – Левины действия, казалось бы, максимально эмоциональные и спонтанные, на самом деле всегда были частью какой-то сложной логической цепочки.

Не очень-то лестно сознавать, что тебя использовали как повод, чтобы сбежать от мамочки! Но ведь все к чему-нибудь повод, не только у Левы была подсознательная цель – сбежать, спастись, но и Тане эта история зачем-то была нужна. Зачем-то она придумала историю про поэта, которому нужен ангел-хранитель, искала его повсюду, сама назначив себя на роль ангела-хранителя, сама себя завела, инициировала свою любовь. Зачем? Как и Лева, хотела из куколки стать бабочкой, понять, что есть другие модели жизни, что она не родительский придаток, а отдельный человек? Если бы не Таня, это была бы история талантливого ленинградского еврейского мальчика, и Лева был бы сейчас профессором в Гарварде? Победители математических олимпиад, что с ними стало? По большей части это университетские профессора. Говорят, что американские университеты – это место, где русские профессора учат китайских студентов. Китайцы впереди в математике, физике, экономике и в музыке. Одна китайская девочка в шестнадцать лет уже играла Прокофьева в Карнеги-холле, правда на ее домашнем рояле обнаружили следы зубов. Кусать рояль – это сильно, и по части злобного кусания рояля Лева с Таней могли бы полностью

эту китайскую барышню понять.

Все к чему-нибудь повод, даже собственные страдания – особенно собственные страдания. Через много лет Таня использовала кое-что в сценарии молодежного кино – любовная история юных – это всегда формат «поиск – погоня». Девочка ищет Мальчика, чем дольше и сложнее ищет, тем больше влюбляется. И всегда присутствует Мама Мальчика, считающая, что Девочка его недостойна. Правда, то была комедия и финал был смешной. В финале Мальчик, Девочка и Мама – в спальне, вдвоем. Мама закрывает форточку, чтобы ребенок в первую брачную ночь не простудился, и говорит: «Он у меня отличник, а у нее сессию провалил».

* * *

На майские праздники Смирновы уехали в Комарово. Поездка на дачу вдвоем была счастье, *редкое* счастье. Алена с Аришей дачу любили, дружки из дачной, детской еще компании по старой памяти висли на заборе – «девочки выйдут?..», и девочки выходили. Раньше сговаривались с друзьями устроить родителям концерт, пели – стихи читали, а теперь – до утра. Но в этот раз обе предпочли остаться дома, Ариша ласково промяукала: «Вы езжайте, а я... тут... уроков много...». Алена до объяснений не снизошла, а Нине пришлось остаться, поехать на дачу *с ними* одной – невысказанно.

Ехали молча – водитель, да и всегда в машине молчали. Всегда молчали, предвкушали, как будет, по минутам: проедут мимо будки охранника, выйдут из машины, подождут, пока водитель занесет в дом продукты, отправят водителя в город и вдвоем останутся на своем кусочке земли посреди сосен, а все проблемы, вся городская суета за забором.

С того дня, когда Андрей Петрович ходил «за хлебо-булкой», прошел месяц. Домой он тогда вернулся черный, швырнул на пол батон, сказал: «Я в дерьме по самое здрасьте, не спрашивай, все равно не скажу», и, конечно, она, напоив его валокордином, выпытала у него все. Такого страшного – литературного поворота событий она не ожидала, да и кто мог ожидать?.. Главой преступной группировки оказался Ник, и одно это уже превратило их жизнь в кино, неожиданное его появление в садике на Щербаковом переулке – в плохое кино, но теперь... теперь – все.

Что можно делать, когда ничего нельзя сделать? Думать. Что думает человек, когда ему нечего придумать? Просто ждет. Представляет, *как* это может быть. Ольга Алексеевна проигрывала в уме варианты разной степени жесткости, от «его арестуют прямо в кабинете» до более мягкого – требования уйти на пенсию... Но на пенсию он по возрасту не подходит... нет, мягкого варианта не может быть... Она знала все, что знал он: дело закончено, вот-вот пройдут аресты, его заместитель в деле не фигурирует. Смирнову принесли почти законченное дело, и он в таких подробностях переска-

зал его Ольге Алексеевне, что Смирновы могли бы сами при случае организовать преступную группу. Андрей Петрович с той встречи в Щербаковом переулке не сказал второму секретарю ни слова, тот нервничал, смотрел искательными глазами, не понимая, в чем причина немилости, но нервничал *не так*. Не так, как будто ожидал ареста. Очевидно, между ним и главой подпольного бизнеса существовали договоренности, по которым его не тронут. Догадывался ли он, что его приберегают как козырного туза, которого в нужную минуту выкинут на стол? Или же сам приберег туза в рукаве? Ольга Алексеевна была уверена, что никакого туза у него не было, была одна лишь наглость и спесь – уверенность, что никто его не сдаст, потому что он нужен... Каждый думает, что *он нужен*.

Во дворе, перед тем как садились в машину, Андрей Петрович сказал: «Сразу после майских пройдут аресты. Инструменты... сумка?..» Ольга Алексеевна кивнула – у нее на даче есть сумка. Они едут на дачу в последний раз. Он хочет забрать свои инструменты. Хорошо, что девочки не поехали.

...Если его посадят?.. Что будет с ней?.. Ольга Алексеевна почему-то вспомнила давнюю сцену, когда после пожара Лева Резнику грозило исключение из школы, что означало – к станку вместо математики. Всегда веселая Фира Зельмановна смотрела на нее жалкими глазами, как раздавленная птица, как будто она пыль под ее ногами... Почему вспомнилась Фира? Потому что Ольга Алексеевна сама была сей-

час раздавленная птица?

Ольга Алексеевна никогда не думала о Боге, как Фира Резник не думала о своем еврейском Боге, – обе не вспоминали о Боге до того, как появилась нужда, что, по меркам человеческих отношений, нехорошо. Нехорошо вспоминать о ком-то только в момент острой необходимости, но Бог – простит. Со своей лекторской привычкой к четким формулировкам Ольга Алексеевна подумала: Бог посылает мелким людям мелкие испытания, очевидно, Бог не утруждается предлагать масштабные испытания тем, кто не сможет их вынести. Для человека, в чьем нравственном опыте понятия Бога не было и в помине, мысль Ольги Алексеевны была интересной и в смысле смирения, и в смысле готовности найти силу как в себе, так и вне себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.